

ФИЛОСОФИЯ

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Философия. Политология. Культурология. Том 2 (68). 2016. № 4. С. 3–10.

УДК: 101.1:316

ФОРМАТ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИКО- ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рыскельдиева Л. Т.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация.

E-mail: ryskeldieval@gmail.com

Предмет рассуждений в данной статье – цель и методология историко-философских исследований. Отмечается, что в настоящее время эти исследования, во-первых, испытывают влияние общей тенденции к междисциплинарности, проявляющейся и в науке, и в философском познании, и, во-вторых, в них отмечается возрастающий интерес к тексту как в качестве объекта конкретного исследования, так и как к предмету рефлексии вообще. Эти обстоятельства, по мнению автора, могут оказать негативное воздействие на предмет и методологию истории философии. Философии трудно быть равноправным участником междисциплинарных исследований, прежде всего, потому, что философский текст и как предмет, и как результат исследования должен иметь неустранимую специфику, отличающую его от любых других видов текста. К философскому тексту неприменимы приемы общей текстологии, которая является разделом литературоведения, философский текст нельзя читать в той же установке, что и, например, научный, без ущерба для смысла. Какой же контекст следует считать адекватным для понимания смысла философского текста? История философии как область философских исследований, имеющая непосредственное отношение к текстам, может избежать опасности редукционизма, если обратит свое внимание на методологическую плодотворность понятия «текстовая культура». Мы предлагаем лишить содержание этого понятия оценочной компоненты и под текстовой культурой понимать совокупность способов создания, хранения и трансляции текстов. Оно позволит ограничить претензии тех, кто считает, что понимание смысла философского текста зависит от знания всей совокупности обстоятельств, вызвавших его появление: от социальных условий, политической обстановки, обстоятельств личной жизни автора, его психологического портрета и проч. Каковы необходимый объем и степень полноты внетекстовых и внефилософских сведений, необходимых для того, чтобы иметь право на интерпретацию философского текста? Риторический характер этого вопроса обращает наше внимание на сведения, которые помогут нам охарактеризовать этот текст именно как текст, увидеть его место среди других текстов, понять его специфику как феномена текстовой культуры.

Ключевые слова. История философии, философский текст, текстовая культура, смысл, комикс, текстология, редукционизм.

ПОВОРОТ К ТЕКСТУ В ФИЛОСОФИИ

Последствия поворота к языку и коммуникации для философии обнаруживаются в следующем: а) в целом философы признали действенность принципа междисциплинарности, в соответствии с которым, если в исследовании участвуют представители разных наук и даже разных отраслей наук, то оно с необходимостью ценнее, эффективнее и перспективнее, чем, так сказать, «моноисследование»; б) в философии отмечается устойчивый интерес к тексту не только как к объекту историко-философского исследования, но и как к предмету рефлексии. Достаточно вспомнить программную для социокультурных исследований последнего времени работу П. Рикера «Модель текста: осмысленное действие как текст» [5]. Эту ситуацию можно назвать «поворотом к тексту», вместе с которым у философских исследований вообще и историко-философских в частности возникает по меньшей мере 2 проблемы.

Первая проблема. Философии трудно быть «участником» междисциплинарных исследований, для этого участия есть серьезные границы. Прежде всего, потому, что не всякое философское исследование является только генерализацией результатов конкретно-научных исследований. Но еще и потому, что философский текст и как предмет, и как результат исследования имеет (и должен иметь!) неустранимую специфику, нередуцируемую к данным других наук.

Вторая проблема. Философский текст как объект междисциплинарного исследования становится заложником либо текстологии как раздела литературоведения и, как следствие, – филологического редукционизма (филологизма в философии), либо истории как исторической науки и, как следствие, – исторического редукционизма в историко-философских исследованиях).

Саму возможность редукционизма в историко-философских исследованиях в условиях «поворота к тексту» следует расценивать с помощью понятия «опасность» и относиться к ней негативно. Проблема редукционизма, активно обсуждавшаяся в философии и логике науки прошлого века, в наше время передвинулась, можно сказать, в «слепую зону» философской рефлексии. А напрасно. Корни этой проблемы, а также познавательные перспективы её осмысления в 21 веке, хорошо проанализированы Л. А. Микешиной в статье, посвященной редукционизму [4]. Она отмечает, что, несмотря на то, что изучение редуктивных процедур в философии науки последнего времени сошло «на нет», сама процедура редукции (и, соответственно, деривации) продолжает активно использоваться – осознанно или неререфлексивно. Особенно не проясненными при этом, по мнению автора, остаются механизм и целесообразность этой процедуры в социальном, гуманитарном и художественном познании [там же, с. 13]. В целом редукционизм как следствие стремления свести сложное к простому, объяснительный прием, при котором непознанное и трудное сводится к уже известному и доступному, можно признать весьма полезным в конкретных науках. Но уместен ли он в философии? Является ли философский текст и сам его смысл объектом научного познания? Может ли вообще он быть познан средствами науки?

Критическому осмыслению в наше время подвергается и общенаучный принцип междисциплинарности. Историки, например, все чаще ставят вопрос о специфике теоретических оснований исторического знания и об освобождении науки истории от «плена» постмодернизма и господства социокультурного подхода. В программной статье И. М. Савельевой, которая посвящена современным поискам теоретических оснований исторической науки, дается убедительный анализ нынешнего состояния последней и обозначены проблемы на пути поиска её междисциплинарных ориентиров [6]. Думается, что в области истории философии сейчас заметны следы аналогичных поисков, которые можно сформулировать такими вопросами.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТОВ

История философии как раздел философского знания традиционно – наиболее близкий к исследованию текста, а сейчас эта близость особенно явная, свидетельством чему является, например, масштабный проект ИФ РАН «Анатомия философии: как работает текст» с соответствующим видеорядом. Слава богу, историки философии все дальше от спекулятивных исследований закономерностей развития мировой историко-философской мысли, все ближе к конкретной реальности философского текста. В этом смысле историю философии можно назвать самым эмпирическим разделом философии.

Итак, если во времена Гегеля актуально было противопоставление «истории» как временного и бренного «философии» как сущностному и вечному, то в наши дни, мне кажется, актуально противопоставление истории и филологии или текстологии. Яркий пример первого – исследования А. А. Кара-Мурзы, его увлекательные оперативные расследования в рамках «философского краеведения», когда он, пользуясь своей огромной эрудицией, воспроизводит исторические условия замысливания, написания, издания текста, его социокультурный фон, время, место и обстоятельства публикации, основные события личной, душевной жизни автора текста [2]. Еще пример – книга А. А. Яковлева «Завещание Локка, приверженца мира, философа и англичанина» [8], по «сюжету» которой можно ставить художественный фильм, несмотря на то, что это вообще никак не художественный текст, а грандиозное академическое исследование.

Пример второго – работы Т. Г. Щедриной [3] и её грандиозная эдиционная деятельность, широта охвата рукописного и изданного текстового материала, сличение почерков, заполнение текстовых лакун, расшифровка скобок и т. д. (она – известный специалист по текстовому наследию Г. Шпета). Объединяет такие разные исследования одно – необходимость реконструкции **смысла** философского текста.

Смысл – ключевое слово не только для исследователей текста (не буду даже касаться совокупности исследований смысла в философии и других науках в последние лет сто – их несметное количество!). Полагаю, что это ключевое и даже специально-философское «слово», особый и именно философский термин, который часто неверно или, точнее, нерелевантно задачам используется в других науках. Полагаю, что смысл бывает только у целого, а у любой его части – вплоть до

элемента – только значения. То есть, смысл у текста, а у понятия, термина, слова или высказывания – значение. Отмечу еще, что выражения «философское исследование» и «поиск смысла» – синонимы. Это значит, что смысл, который мы ищем в философском тексте, и смысл текста, который найден философом, специфичны и являются продуктом именно философской рефлексии – рефлексии особой природы.

Можно ли найти смысл философского текста из него самого, не прибегая к анализу «внетекстовой» реальности? Возможна ли так называемая «чистая» философская текстология? Оправдан ли своеобразный философский «пуризм»?

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

Сравним, к примеру, два известных текста, написанных почти в одно время, с одинаковыми названиями и на одну и ту же тему – «Логика смысла» Ж. Делеза и «Логика смысла» А. В. Смирнова. Книга Делеза [1], по его признанию, замысливалась как роман о смысле или (и это не игра слов) роман со смыслом, как текст литературного жанра с философским содержанием, с таким сюжетом, где главным действующим лицом должна быть главная философская проблема – проблема смысла. Нестандартно, необычно, в стиле кэрроловских «книг для девочек», не трактат, не исследование, но и не художественное произведение – намеренная смесь форматов. Его целью является раскрытие «специфических отношений» смысла (по его выражению, «несуществующей сущности») с бессмыслицей. Кому она адресована? Тому, кому нужно лекарство от нормальности, кто хочет, наконец, стать «профессионалом», тому, кто хочет «познать самих себя: быть немножко алкоголиком, немножко сумасшедшим, немножко самоубийцей, немножко партизаном-террористом» [1, с. 190], кто понял всю бессмыслицу занятий нормального человека. Тот, кто спрашивает себя: «неужто на нашу долю выпало лишь составление сборников да выпуск тематических номеров журнала?» [там же, с. 298]. В результате искомый в этой книге смысл оказался «размазанным» по воспетой им «поверхности», и собрать его не удастся даже самому искушенному читателю. Эпатаж и эстетизм Делеза сильно отличается от фундаментальности нормального исследования в академическом формате, выполненного тем, кто своей целью считает именно поиск смысла, а не погоню «за призраком, ускользающим каждый раз» [7, с. 15], предпочитает, судя по всему, именно издавать журналы, а не уходить в запой по причине сильной зависимости смысла от нонсенса. Кто адресат книги Смирнова? Именно обычные «мы» или, как выражался Э. Гуссерль, «нормально расположенные люди», которых не раздражает поиск смысла, а также процесс осмысления и смыслополагания, кто не согласен наблюдать за показанной Делезом «порочной связью» смысла с бессмыслицей. Такие «мы» продолжаем пытаться его ухватить (можно и в университетском журнале, и в Ученых записках!), а сами эти попытки считаем признаком профессионализма. Смысл, по Делезу, оказался как будто «размазанным по тарелке» увлекательного и оригинального исследования, а смысл по Смирнову – неуловимой для методической гносеологии сущностью, механизм возможного появления которой изложен в рамках академического исследования. Это книги

разных форматов, у них разные цели и целевые аудитории, внутри них – разные коммуникативные ситуации, они занимают разное место в текстовой культуре того времени и пространства, в котором появились. Для Делеза смысл – это процесс, для Смирнова – сущность, появляющаяся в процессе. Процесс здесь – интерпретация, а её центральное место занимает интерпретатор, тот, в ком понимание и смысл появляются, рождаются.

Итак, возможна ли «чистая» философская текстология? Сколько обстоятельств личной жизни автора текста и данных о социокультурной обстановке того времени мы должны знать для постижения смысла текста? Какую роль в этом постижении сыграет комплексное психо-, социо-, полит-, лингвоисторическое изыскание? Какая внетекстовая добавка здесь нужна? (В этой связи постоянно вспоминается находящаяся на границе пристойности работа некоего Ботюля (психоаналитика по профессии) под названием «Сексуальная жизнь Иммануила Канта». Текст, который, на самом деле, совсем не хочется вспоминать).

ТЕКСТОВАЯ КУЛЬТУРА И ФОРМАТ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

Эту внетекстовую добавку я уже обрисовала, когда употребила понятия «формат текста» и «текстовая культура». Если комплексное междисциплинарное исследование может дать нам в качестве результата знание о способах создания, хранения и трансляции текстов в данных пространственно-временных условиях, то у нас сложится знание о **текстовой культуре**. Если мы будем знать место данного текста в текстовой культуре, для кого и с какой целью создавался этот текст, нам будет дан его **формат**. Объем и глубина этих знаний относительны, а главное, все внетекстовые и внефилософские сведения смогут быть редуцированы или, точнее, сконцентрированы в особую специфическую философскую текстологию, у которой есть, соответственно, диахронический и синхронический аспекты.

А именно: в целях понимания смысла она (философская текстология) позволит сопоставлять тексты разных форматов, принадлежащие одной текстовой культуре (например, сопоставить трактаты Фомы Аквинского как своеобразные учебные пособия с текстами проповедей Майстера Экхарта). Или позволит понять, в чем принципиальное различие между текстом Анаксагора и диалогами Платона. Это различия в первую очередь есть различия форматов. Текст Анаксагора, судя по тому, что «до нас дошло», может быть возведен к исторически первой, трактатно-созерцательной («феоретической», как будет названо позже) форме фиксации продуктов философской рефлексии в поэтическом жанре «поэма». Коммуникативная ситуация такого текста близка к поэтической аутокоммуникации, акт же его публикации делает потенциального читателя или, так сказать, «равным» автору, или тем, кого он хочет сделать равным себе, сообщив ему результаты своей рефлексии. В каком-то смысле такая публикация, да еще и с целью продажи, приближает труд Анаксагора к просветительскому сегменту деятельности софистов. Тогда как Платон, видимо, следуя существующей традиции, никак не может понять, как и зачем вообще можно публиковать философские тексты. Известно его критическое отношение к письму и почти презрительное отношение к продаже опубликованных сочинений («в оркестре за драхму!»), что дало основание

исследователям вести речь о «неписаной философии» Платона. Вместе с тем в этом контексте мы можем поставить вопрос о статусе и смысле появляющихся в наше время расширяющейся коммуникации и интеллектуальных технологий, как кажется, новых и неожиданных форматов философского текста – например, философский **сайт** или философский **комикс**.

Если понятие «философский сайт» не вызывает специфической реакции, то словосочетание «философский комикс» вызывает в лучшем случае улыбку, а кое у кого и негодование. Я имею в виду серии вначале английских, а затем французских комиксов, посвященных самым известным и необычным философам. Действительно, находящийся как бы в сфере актуальной, модной и распространяющейся сейчас визуальной культуры, «тренд» к изображению и сама идея философского комикса должны вызвать недоумение: как возможна визуализация продуктов философской рефлексии? Как можно «изобразить», воплотить в образ, к примеру, бытие? Однако при ближайшем, эмпирическом рассмотрении продуктов этого формата мы понимаем, что, во-первых, ничего беспрецедентного или скандального в нем нет и, во-вторых, смысл философского текста при этом не искажается. Восходящие, по мысли адептов и исследователей [9] и [10], к популяризовавшим библейские сюжеты Нюрнбергским хроникам в инкунабулах 15 века и жанру «аллилуев» во Фландрии, Франции и Германии 16 века, современные философские тексты в картинках – это свидетельство процесса популяризации философии. Что это за процесс и как к нему относиться? Процесс, видимо, неизбежный, и относиться к нему следует спокойно. Популяризация, сопровождающаяся назиданием, – давнее явление. Появление во времена Платона «писаной» философии сродни появлению Агады в противовес Галахе, а наша пуристская реакция на «философию в картинках» вполне сродни реакции древних на «писаную» философию! Формат комикса не может исказить смысл философского текста, потому что он не имеет к нему никакого отношения, содержание текстов в картинках в большинстве случаев посвящено конкретным философам, перипетиям их жизни и оригинальности взглядов. Это содержание сродни античным «анекдотам» и вписывается в общую тенденцию, согласно которой современная философская литература становится близкой к известному жанру доксографии. Тексты в картинках – это не философский текст в собственном смысле, а литература о философии, рассказы о философях. Это говорит об изменениях коммуникативной ситуации в тексте, имеющим отношение к философии: формат комикса сродни формату web 2.0, в котором сейчас действует большинство проектов и сервисов. В этом формате, который «размывает» различия между автором и читателем, комикс приобретает явно позитивный потенциал, становится агентом просвещения, так как вероятность того, что кто-то из читателей/зрителей текста в картинках захочет взять в руки авторский философский текст, судя по всему, при этом повышается. А в этом, полагаю, ничего плохого нет.

Итак, мои тезисы:

1. История философии как раздел философского знания становится все ближе к исследованиям в области специфической философской текстологии.

2. В области этих исследований во избежание редукционизма, для реконструкции внетекстовой и внефилософской реальности, необходимой для понимания смысла философского текста, следует использовать методологически перспективные понятия «текстовая культура» и «формат текста».

Список литературы

1. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Издательский Центр «Академия», 1995. – 298 с.
2. Кара-Мурза А. А. Откуда рождаются философские статьи? // История философии в формате статьи. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 110–121.
3. Методологические проблемы публикации философских текстов. Материалы конференции – «круглого стола». Участники: Б. И. Пружинин, Н. С. Автономова, Т. В. Артемьева, В. К. Кантор, И. А. Михайлов, Е. В. Пастернак, В. Н. Порус, И. С. Разумовский, Л. Т. Рыскельдиева, А. В. Смирнов, Т. Г. Щедрина, В. В. Янцен // Вопросы философии. – 2016. – №3. – С. 5–50.
4. Микешина Л. А. Редукционизм как проблема философии науки и эпистемологии // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. 37. – № 3. – С. 5–13.
5. Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст // Социологическое обозрение. – 2008. – Том 7. – № 1. – С. 25–43.
6. Савельева И. М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронт // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 38. – С. 25–53.
7. Смирнов А. В. Логика смысла: Теория и её приложение к анализу классической арабской философии и культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 504 с.
8. Яковлев А. А. Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 432 с.
9. Kunzle D. The History of the Comic Strip, Vol. II: The Nineteenth Century / D. Kunzle. – Berkeley: University of California Press, 1990. – 411 p.
10. McCloud Scott. Understanding Comics: The Invisible Art – N.-York: A Kitchen Sink Press Book for HarperPerennial, 1994. – 216 p.

Ryskel'dyieva L. T. Format of Philosophical Text as an Object of the Studies in History of Philosophy // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 3–10.

The main discussion topic of the present article is the goal and methodology of the studies in history of philosophy. It is noted that currently these studies firstly are influenced by the general trend toward interdisciplinarity, which is manifested in science and philosophical knowledge, and secondly an increasing interest is being noted in text as the object of a specific study and as a subject of reflection in general. These circumstances, in the author's opinion, could have a negative impact on the subject and methodology of the history of philosophy. It is difficult for philosophy to be an equal participant in interdisciplinary research firstly, due to the fact that philosophical text as a subject and as a result of the study should have an ineliminable specificity that distinguishes it from any other types of text. Techniques of common textology, which is a branch of literary studies are non-applicable to the philosophical text, philosophical text can not be read in the same setup as, for example, a scientific text, i. e. without harming the meaning. What context should be considered as adequate for understanding the meaning of the philosophical text?

The history of philosophy as an area of the philosophical research, which has direct relevance to the texts, can avoid the danger of reductionism if its attention is turned towards methodological fruitfulness of the term "textual culture". We propose to deprive the content of this term of the evaluative component and agree that text culture means a complex of methods of creating, storing and translation of texts. It will limit the claims of those who believe that understanding of the meaning of philosophical text depends on the knowledge of complex of circumstances that caused its emerging, i. e. social conditions, political situation, the circumstances of the author's personal life, his psychological portrait and so on. What's the necessary volume and the degree of completeness and extra-textual data required in order to be eligible for the interpretation of

the philosophical text? The rhetorical nature of this issue draws our attention to information that will help us to characterize this text exactly as a text, to determine its place among other texts, to understand its specifics as a phenomenon of the textual culture.

Keywords. History of philosophy, philosophical text, textual culture, textology, reductionism, “smysl”, comics.

References

1. Deleuze J. Logika smysla [The Logic of Sense]. Moscow, Akademiya, 1995, 298 p.
2. Kara-Murza A. A. Otkuda rozhdayutsya filosofskie stat'i? [How are Philosophical Articles Conceived?] History of Philosophy in the form of an article. Moscow, Kul'turnaya revolyuciya, 2016, P. 110–120.
3. Metodologicheskie problemy publikacii filosofskih tekstov. Materialy konferencii – «kruglogo stola» [Methodological Problems in the Publication of Philosophical texts. Materials of the Conference - “Round Table”]. Participants: B. I. Pruzhinin, N. S. Avtonomova, T. V. Artem'eva, V. K. Kantor, I. A. Mihajlov, E. V. Pasternak, V. N. Porus, I. S. Razumovskij, L. T. Ryskel'dieva, A. V. Smirnov, T. G. Shchedrina, V. V. YAncen // Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]. 2016, no. 3, P. 5–50.
4. Mikeshina L. A. Redukcionizm kak problema filosofii nauki i epistemologii [Reductionism as a Problem of the Philosophy of Science and Epistemology]. Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science], 2013, Vol .37, no. 3, P. 5–13.
5. Riker P. Model' teksta: osmyslennoe dejstvie kak tekst [The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text]. Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review], 2008, Vol.7, no. 1, P. 25–43.
6. Savel'eva I. M. Istoricheskie issledovaniya v XXI veke: teoreticheskij frontir [Historical Studies in the 21 st Century: Theoretical Frontier]. Dialog so vremenem [Dialogue with Time], 2012, Vol. 38, P. 25–53.
7. Smirnov A. V. Logika smysla: Teoriya i eyoprilozhenie k analizu klassicheskogo rabsoj filosofii i kul'tury [Logic of Sense. Theory and Its Application in the Analysis of Classical Arabic Philosophy and Culture]. Moscow, Languages of Slavonic Cultures, 2001, 504 p.
8. Yakovlev A. A. Zaveshchanie Dzhona Lokka, priverzhencamira, filosofa i anglichanina [Testament of John Locke, an Adherent of the World, a Philosopher and the Englishman]. Moscow, Publishing house of the Gaidar Institute, 2013, 432 p.
9. Kunzle D. The History of the Comic Strip, Vol. II: The Nineteenth Century. D. Kunzle. Berkeley, University of California Press, 1990, 411 p.
10. McCloud Scott. Understanding Comics: The Invisible Art. N.-York, A Kitchen Sink Press Book for HarperPerennial, 1994, 216 p.